

М. К. Сейткалиев

Неординарный погребальный комплекс из могильника Каратобе в Западном Казахстане

Keywords: South Ural Region, Central Asia, China, Great Silk Way, Late Sarmatian Culture, square grave, west orientation, bimetallic knife.

Cuvinte cheie: Uralul de Sud, Asia Centrală, China, Drumul mătăsi, cultura sarmatică târzie, mormânt de formă pătrată, orientare vestică, cuțit bimetalic.

Ключевые слова: Южное Приуралье, Средняя Азия, Китай, Великий шелковый путь, позднесарматская культура, квадратная могила, западная ориентировка, биметаллический нож.

M. K. Seitkaliyev

Extraordinary Burial Complex from Karatobe Burial Ground in West Kazakhstan

This article is devoted to the analysis of extraordinary Late Sarmatian burial complex investigated in Karatobe burial ground. By a number of elements of this burial complex, Karatobe burial is similar with the circle of elite Late Sarmatian burials of the first half — middle 3rd century, found in South Ural Region. However, in spite of some common features, the funerary ritual has some peculiar features distinguishing it from the Late Sarmatian elite warrior graves. First of all, west orientation of the body is an extraordinary phenomenon for the sites of the Late Sarmatian time. Composition of grave goods also draws one's attention: some imported items were found along with typical artefacts of the Late Sarmatian Culture, which confirms contacts between the nomads of the South Ural Region and the population of Central Asia and areas farther to the east.

M. K. Seitkaliyev

Un complex funerar spectaculos din necropola Karatobe din Kazahstanul de Vest

Articolul reprezintă analiza unui complex funerar spectaculos, sarmatic târziu, cercetat în necropola Karatobe. Unii parametri ai complexului prezintă elemente comune cu cercul de înmormântări al elitelor sarmatice târzii, care apar în Uralul de Sud în prima jumătate — mijlocul sec. III. Cu toate acestea, necătând la aceste similitudini, ritul funerar posedă niște trăsături specifice, care îl evidențiază față de mormintele războinicilor din perioada sarmatică târzie. Putem aminti aici, în primul rând, orientarea vestică a defunctului — excepțională pentru complexele funerare sarmatice târzii. De asemenea, atrage atenție asupra sa compoziția inventarului funerar: alături de piese tipice pentru cultura sarmatică târzie, în mormânt au mai fost găsite obiecte de import, care ilustrează existența legăturilor nomazilor de la Uralul de Sud cu populația Asei Centrale și a regiunilor, aflate și mai departe spre est.

M. K. Сейткалиев

Неординарный погребальный комплекс из могильника Каратобе в Западном Казахстане

Статья посвящена анализу неординарного позднесарматского погребального комплекса, исследованного в могильнике Каратобе. Ряд элементов погребального комплекса сближает каратобинское погребение с кругом элитарных позднесарматских захоронений, встречающихся в Южном Приуралье в первой половине — середине III в. Однако, несмотря на определенное сходство, погребальный обряд имеет своеобразные черты, выделяющие его среди позднесарматских воинских погребений. Это, в первую очередь, западная ориентировка погребенного — явление исключительное для памятников позднесарматского времени. Также обращает на себя внимание состав сопровождающего инвентаря: наряду с типичными предметами позднесарматской культуры, в погребении найдены импорты, свидетельствующие о контактах кочевников Южного Приуралья с населением Средней Азии и более восточных регионов.

В 2005 г. в ходе спасательных работ на памятниках археологии, расположенных в коридоре строительства нефтепровода Каратобе-Лыктыбай, был исследован курганный могильник Каратобе, находящийся в Байганинском районе Актюбинской области, в 3,2 км к юго-востоку от пос. Жаркамыс (рис. 1). Могильник занимал вершину естественной возвышенности, расположенной на третьей надпойменной террасе р. Эмба. Курганный могильник состоял из четырех

земляных курганов, вытянутых цепочкой по линии север-юг. Среди раскопанных курганов в могильнике было исследовано захоронение, которое резко выделялось среди погребений позднесарматского времени Южного Приуралья¹.

¹ Автор приносит благодарность канд. ист. наук Ж.Е. Смаилову за возможность опубликовать комплекс.

Рис. 1. Местоположение могильника Каратобе.

Fig. 1. Location of Karatobe burial ground.

Исследованный курган №4 представлял собой небольшую, округлую в плане, сильно оплывшую земляную насыпь диаметром около 17 м и высотой не более 0,5 м. Насыпь раскапывалась вручную, на снос. После снятия насыпи в центре кургана была обнаружена единственная могильная яма подквадратной в плане формы с сильно закругленными углами (рис. 2: 1). Её размеры: $4,3 \times 4 \times 1,55$ м. В ходе выборки заполнения могильной ямы на глубине 0,8 м от дневной поверхности расчищено просевшее деревянное перекрытие, сложенное из плотно подогнанных друг к другу жердей. На деревянном перекрытии было обнаружено халцедоновое навершие меча с бронзовым штифтом. После снятия перекрытия на дне могильной ямы, в ее центральной части, был расчищен не потревоженный грабителями костяк. Погребенный был уложен на спину в вытянутом положении и ориентирован головой на запад, руки вытянуты вдоль тела, ноги практически прямые. Кисти рук и фаланги ног отсутствовали (рис. 2: 2). Вероятно, погребенный был уложен на носилки, следы от которых фиксировались на дне могильной ямы в виде обильного органического тлена.

Возле погребенного найден многочисленный инвентарь. У правого предплечья обнаружены четыре нашивные бляшки полусферической формы, изготовленные из желтого металла. У правой руки лежал железный меч без перекрестья. Линзовидный в сечении клинок имел параллельные лезвия с заостренным

концом и отделялся двумя прямоугольными уступами от длинного черенка. Вероятно, на черенок насаживалась деревянная рукоять, к которой посредством бронзового штифта прикреплялось халцедоновое навершие дисковидной формы (рис. 2: 11, 12). На клинке сохранились остатки деревянных ножен, покрытых красной краской. Общая длина меча 95 см (рис. 2: 13).

В области левой кисти обнаружены остатки деревянной рукояти нагайки. Плеть нагайки крепилась к рукояти посредством бронзовой прямоугольно-овальной обоймы и двух массивных заклепок (рис. 2: 14).

Под левой лопаткой погребенного найден однолезвийный железный нож с бронзовой рукоятью и инкрустацией из кости. Бронзовая рукоять ножа двухсоставная, шестигранная в сечении, с кнопочным круглым навершием. Половинки рукояти скреплены тремя железными заклепками. Нижняя часть рукояти имеет полукруглый вырез. Лезвие ножа закреплено между половинками рукояти. Размеры ножа: общая длина 16,5 см; длина рукояти 7 см, ширина — 1,3 см; длина лезвия 9,5 см, ширина — 1,5 см (рис. 2: 8).

С внутренней стороны левой бедренной кости погребенного обнаружены сильно коррозированные железные кинжалы. В процессе снятия кинжалов были утрачены перекрестья, но морфология клинков четко определяется. Оба кинжала имели прямое перекрестье, переходящее под тупым углом в черенок, квадратный в сечении. Ручка в виде черенка откована вместе с клинком. Длина кинжалов 25 см (рис. 2: 9, 10).

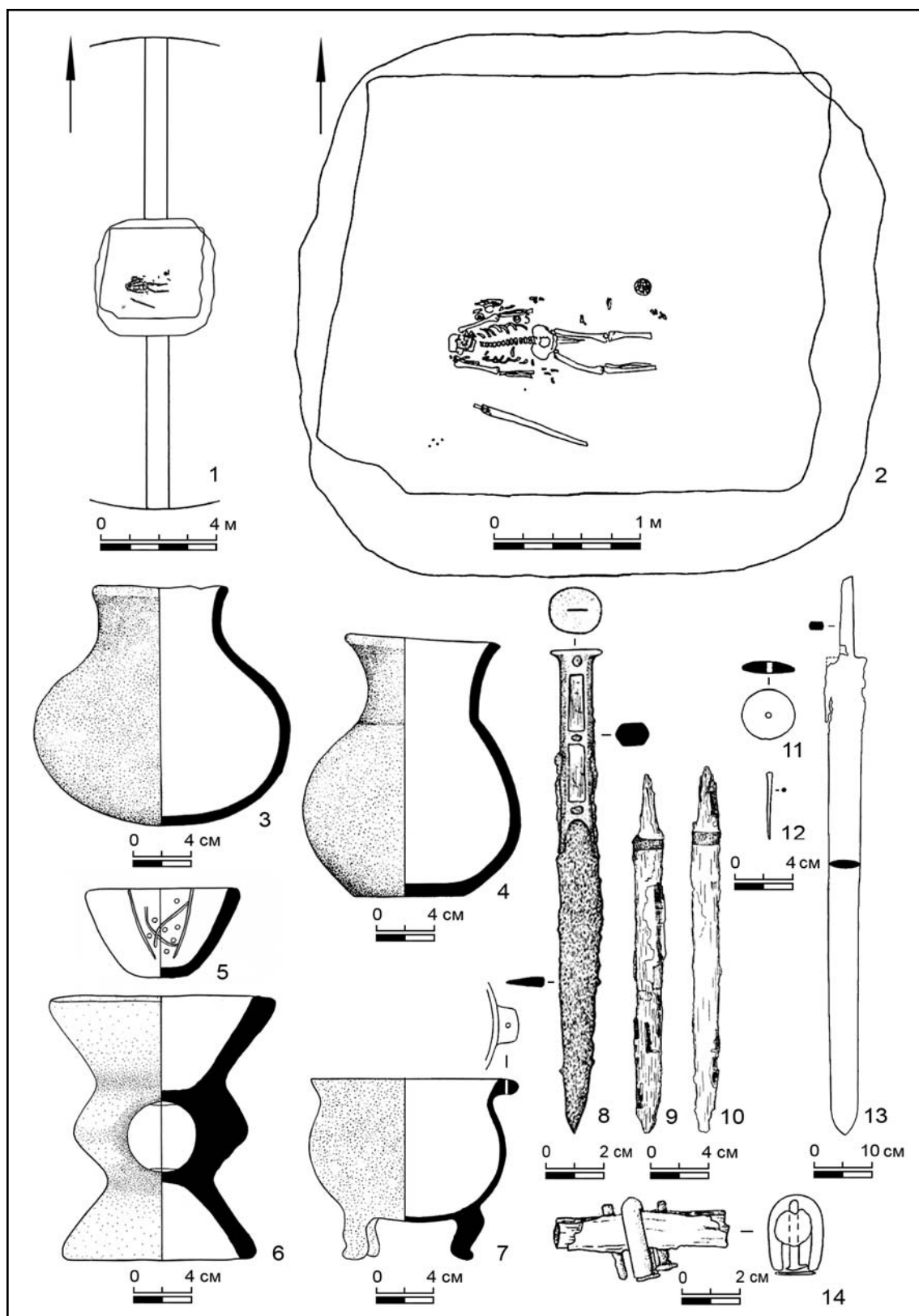
Между ребрами и левой лучевой костью обнаружен лепной горшок с бомбовидным туловом, плавно переходящим в прямую шейку. Венчик слегка отогнут наружу. Поверхность сосуда шероховатая, темно-коричневого цвета, в изломе глина темно-серая. Высота сосуда 16,5 см (рис. 2: 3).

Возле костей левой руки отмечен тлен от деревянного блюда, но, в силу плохой сохранности древесины, точную форму предмета установить не удалось.

На деревянное блюдо был поставлен лепной кувшин с шаровидным туловом и воронковидным венчиком. Плечо обозначено вдавленной линией. Поверхность сосуда шероховатая, цвет темно-коричневый, в изломе темно-серый. Высота сосуда 18 см (рис. 2: 4).

Под блюдом обнаружен миниатюрный медный котелок — курильница на трех ножках, забитая обугленными растительными остатками. Сосуд имеет сферическое тулово со слегка сужающимися к устью стенками.

№4. 2014

Рис. 2. Погребение кургана №4 могильника Каратобе в Западном Казахстане. 1 — план кургана; 2 — план погребения; 3—6 — керамические сосуды; 7 — медная курительница; 8 — биметаллический нож (бронза, железо); 9, 10 — железные кинжалы; 11 — халцедоновое навершие; 12 — бронзовый штифт; 13 — железный меч; 14 — фрагмент рукояти нагайки.

Fig. 2. Burial in barrow no.4 of Karatobe burial ground in West Kazakhstan. 1 — plan of barrow; 2 — plan of burial; 3—6 — ceramic vessels; 7 — copper incense; 8 — bimetallic knife (bronze, iron); 9, 10 — iron daggers; 11 — chalcedonic pommel; 12 — bronze pin; 13 — iron sword; 14 — rawhide hilt fragment.

Венчик отогнут наружу, к его внешнему краю припаяно горизонтальное ушко со сквозным отверстием. К нижней части дна курильницы припаяны три коленчатые ножки. Внешняя поверхность сосуда неровная, шероховатая, со следами копоти, внутренняя — гладкая. От венчика курильницы к верхней части тулова проходит трещина, сужающаяся книзу, а под ней у днища — небольшая вмятина. По краю трещины имеются сквозные отверстия, свидетельствующие о ремонте. Высота сосуда 12,5 см (рис. 2: 7).

У левой ступни обнаружена двухсоставная лепная курильница — сосуд катушкообразной формы, составленный из двух чаш пирамидальной формы, соединенных между собой четырьмя коленчатыми ручками. Внешняя поверхность темно-серого цвета, тщательно заглажена, со следами лощения (рис. 2: 6). Внутри одной из чаш сосуда лежала миниатюрная чашечка пирамидальной формы. Чашечка, в отличие от сосуда, изготовлена небрежно, из плохо отмученного теста. Поверхность светло-коричневого цвета, на одной из сторон нанесено изображение из нескольких косых линий и точечных вдавлений (рис. 2: 5). Внутри чашечки имеются следы нагара и копоти от горения каких-то растений, обугленные остатки которых были зафиксированы тут же.

Как уже отмечалось выше, каратобинское погребение выделяется среди захоронений позднесарматского времени как погребальным обрядом, так и сопровождающим инвентарем.

В первую очередь, обращает на себя внимание квадратная форма ямы. Заметим, что для позднесарматской культуры Южного Приуралья характерно господство подбойных могил, которые составляют здесь почти половину всех погребений (Мошкова 2009: 92). Следующим по распространённости типом могил являются прямоугольные ямы различных вариантов. Квадратные ямы, как в нашем случае, представлены незначительной серией в Южном Приуралье в позднесарматское время (Мошкова 2009: 92). В настоящее время исследованы всего четыре позднесарматских захоронения, совершенных в квадратных или широких прямоугольных ямах: в курганах 1 и 2 Лебедевского могильника, в кургане 9 могильника Покровка 2 и в кургане 6 Бердянского V могильника. Показательно, что погребения в квадратных могилах известны лишь в Южном Приуралье и относятся к достаточно узкому хронологическому диапазону: первой половине — середине III в. Исследователи указывали на эли-

тарный характер этих погребений (Малашев, Яблонский 2008: 83).

Следующим отличительным признаком рассматриваемого захоронения является ориентировка погребенного. В позднесарматских захоронениях Южного Приуралья господствует меридиональная ориентировка (Железчиков 1994: 93). Западная ориентировка в них не была зафиксирована ни разу. Не фиксируется она и в предшествующее время, за исключением среднесарматских памятников Прикубанья (Сергацков 2002: 94). Такая ориентировка известна в раннесарматских памятниках, но и там она составляет не более 6,5% от общего числа (Железчиков 1997: 82).

Для понимания хронологической позиции захоронения обратимся к анализу сопровождающего инвентаря. Лепные горшок и кувшин из Каратобе являются типичными формами посуды для позднесарматской культуры Южного Приуралья. Близкие аналогии этим сосудам, в частности, происходят из кургана 72 могильника Покровка 10 II—III вв. (Малашев, Яблонский 2008: рис. 173: 5) и позднесарматского кургана №20 могильника Старица в Поволжье (Скрипкин 1984: рис. 9: 11).

Уникальным можно назвать двухсоставный лепной культовый (?) сосуд. Автору не известны даже близкие аналогии этой находке.

Длинный меч из погребения относится, по классификации А. М. Хазанова, к 3 типу, распространение которого приходится на II—IV вв. (Хазанов 1971: 17, 20). Аналогичный клинок обнаружен в погребении 1 кургана 13 могильника Кузин Хутор в Нижнем Поволжье (Хазанов 1971: табл. XII: 1). Похожий меч найден в позднесарматском погребении в кургане 6 могильника Целинный I в Южном Приуралье (Боталов, Гуцалов 2000: рис. 33: 1). Из сооружения 13 того же могильника происходит близкая по морфологии находка, но, в отличие от каратобинского, этот клинок из Целинного имеет плавное сужающиеся к острию лезвия (Боталов, Гуцалов 2000: рис. 30: 6). Известны находки мечей данного типа и на ряде памятников Степного Крыма (Симоненко 2009: 51, рис. 32).

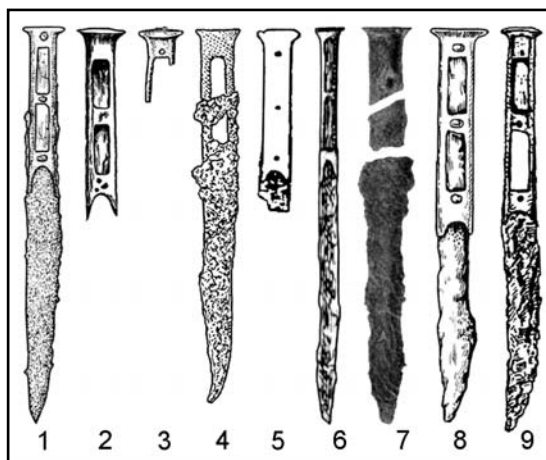
Железные кинжалы принадлежат ко 2 типу вышеуказанной классификации (Хазанов 1971: 17). Клинки данного типа сформировались уже в прохоровское время и продолжали бытовать в позднесарматскую эпоху. Подобные мечи и кинжалы широко представлены как на сарматской территории, так и за её пределами (Хазанов 1971: 19—20).

Конструкция нагайки из Каратобе практически тождественна аналогичной наход-

ке из воинского погребения кургана 37 Лебедёвского могильника первой половины — середины III в. (Мошкова, Демиденко 2010: 256). Наибольшее распространение нагайки получили в II—III вв. н.э. (Мошкова 1989: 198).

Особый интерес вызывает находка уникальной медной курильницы. По целому ряду признаков каратобинский сосуд не имеет ничего общего с позднесарматскими котлами. Можно однозначно говорить о производстве курильницы из Каратобе в восточных от Южного Приуралья регионах. Морфология сосуда (профиль тулова, наличие ножек и их форма) сближает его с котлами из Семиречья и ряда других районов (Спаская 1956: 156). Однако, в отличие от последних, медная курильница из Каратобе имеет меньшие размеры, у неё отсутствуют ручки, хотя есть горизонтальная петля с отверстием для подвешивания. Вполне вероятно, что прототипом этого сосуда послужили ритуальные и статусные триподы 鼎 «дин» периода среднего и позднего Чжаньго из Китая (Комиссаров, Хачатурян 2010: рис. 20) или более ранние образцы периода Западного Чжоу. Здесь следует оговорить особо, что мы не имеем в виду китайское происхождение каратобинской курильницы, а лишь предполагаем возникновение этой формы и дальнейшую ее эволюцию под влиянием китайских традиций в среде кочевников, живших у границ Китая и испытывавших определенное культурное влияние со стороны соседа. В частности, появление бронзовых котелков из Восточного Чжоу в южном Китае связывается с культурным влиянием северного Китая, в котором успешно совмещаются китайские традиции с мотивами, рожденными в среде северных кочевников (Psaltas 1998—1999: 1—88). По нашему мнению, находка медной курильницы в каратобинском погребении свидетельствует о связях между сарматами и кочевниками отдаленных восточных регионов, непосредственно контактирующих с Китаем. Появление ряда предметов в сарматской культуре уже связывалось с влиянием Китая на кочевников (Симоненко 2009: 56). Предполагалось также, что определенные категории восточных вещей могли попасть в Южное Приуралье по северному ответвлению Великого шелкового пути (Скрипкин 2010: 188).

Биметаллический нож также является одним из примечательных элементов рассматриваемого комплекса. Ножи подобного типа, по мнению М.Г. Мошковой, характерны для восточных районов распространения позднесарматской культуры (Мошкова 1989: 199).

Рис. 3. Биметаллические ножи из Южного Приуралья, Нижнего Поволжья и Средней Азии. 1 — Каратобе; 2 — Агаповский (по Сальников 1950: рис. 34); 3 — Темясковский (по Пшеничнюк, Рязанов 1976: рис. 1: 7); 4 — Целинный I (по Боталов, Гуцалов 2000: рис. 33: 18); 5 — Нижнее Поволжье (по Рау 1927: рис. 25); 6 — Старица (по Шилов 1968); 7 — Бельбек III (по Гущина 1970: рис. 16: 4); 8 — Ворухское ущелье (по Литвинский 1978, рис. 4: 1); 9 — Урюкзор (по Горбунова 1983: рис. 5: 14).

Fig. 3. Bimetallic knives from South Ural Region and Central Asia. 1 — Karatobe; 2 — Agapovsky (after Сальников 1950: рис. 34); 3 — Temyasovsky (after Пшеничнюк, Рязанов 1976: рис. 1: 7); 4 — Tselinny I (after Боталов, Гуцалов 2000: рис. 33: 18); 5 — Lower Volga Region (after Рау 1927: рис. 25); 6 — Staritsa (after Шилов 1968); 7 — Belbek III (after Гущина 1970: рис. 16: 4); 8 — Voruch Gorge (after Литвинский 1978, рис. 4: 1); 9 — Uryukzor (after Горбунова 1983: рис. 5: 14).

Точная аналогия каратобинскому ножу происходит из кургана №1 Агаповского могильника в Южном Приуралье (рис. 3: 2), который датирован II—IV вв. В этом захоронении нож лежал у левого плеча погребённого (Сальников 1950: 117, рис. 34). Фрагмент бронзовой рукояти подобного ножа найден в кургане №5 Темясковского могильника в Южном Приуралье (рис. 3: 3), также относящегося к позднему периоду позднесарматского времени (Пшеничнюк, Рязанов 1976: 141, 148, рис. 1: 7). Этот нож был обнаружен с бронзовыми перстнями, распространение которых приходится на III—IV вв. (Горбунова 1992: 191). Близкий аналог ножу из Каратобе обнаружен в кургане №6 могильника Целинный I в Южном Приуралье (рис. 3: 4) (Боталов, Гуцалов 2000: 101, рис. 33: 18). Также аналогичные находки известны и в сарматских памятниках Нижнего Поволжья (рис. 3: 5) (Рау 1927: 24, рис. 25) и междуречья Волги и Дона (рис. 3: 6) (Шилов 1968: 315—324). Далее на запад, за пределами распространения позднесарматской культуры, известен лишь один нож, обнаруженный в погребении конца II —

первой половины III в. могильника Бельбек III в Юго-Западном Крыму (рис. 3: 7) (Гущина 1970: 40, рис. 16: 4).

Помимо позднесарматских памятников Южного Приуралья и Нижнего Поволжья, небольшая серия аналогичных ножей встречается только на территории Ферганы в Средней Азии. Это целый нож из могильника Ворухское ущелье (рис. 3: 8), который был обнаружен между левым плечом и рёбрами погребённого (Литвинский 1972: 28), и фрагмент рукояти ножа из могильника Сурх II (Литвинский 1978: 14). Нож с подобной рукоятью также найден в могильнике Урюкзор (рис. 3: 9) (Горбунова 1983: 32, рис. 5: 14). Ферганские ножи образуют компактную в хронологическом отношении группу, четко укладывающуюся в II—IV вв. (Горбунова 1983: 40).

Совокупный анализ материалов позволяет относить время совершения захоронения кургана №4 могильника Каратобе к III в., возможно, даже к первой половине этого столетия.

Наибольший интерес, однако, вызывают социальный статус и этническая принадлежность погребённого. Их специфика фиксируется формой ямы и ориентировкой умершего, а также набором сопровождающего инвентаря.

В своё время Б. Ф. Железчиков связывал погребения в квадратных могилах, совершённых в «савроматское» время, с захоронениями жриц (Железчиков 1994: 130). Однако для подтверждения подобной интерпретации у нас нет антропологических определений.

Бляшки полусферической формы из могил Ферганы, аналогичные обнаруженным в каратобинском захоронении, Н. Г. Горбуновой атрибутируются как нашивные украшения налобных повязок женщин особого социального статуса (Горбунова 1992: 192). Однако в погребении кургана №4 могильника Каратобе эти бляшки были обнаружены у правого предплечья, и их связь с налобными повязками выглядит неубедительной. При этом заметим, что данный тип бляшек имел широкое территориальное и хронологическое распространение (Мошкова 2009: 112).

Также Н. Г. Горбунова считает, что захоронения с ритуальными ножами следует считать погребениями «ферганских женщин, занимавших особое место в обществе» и попавших в Южное Приуралье «в результате личных контактов» (Горбунова 1992: 192). При этом исследовательница сама указывает, что речь идёт о «тех случаях, когда установлен пол погребённых» (Горбунова 1992: 191). Поддерживая мнение Н. Г. Горбуновой о проникновении биметаллических ножей в Юж-

ное Приуралье из Средней Азии (Ферганы), мы считаем, что у нас нет оснований считать каратобинское погребение женским.

Находка медной курильницы, содержимое которой, по всей видимости, было аналогичным найденному в медных сосудах из второго Пазырыкского кургана (Руденко 1952: 243), свидетельствует о совершении определённых ритуалов (окуривания погребального сооружения?). В полной мере это относится и к лепной двухсоставной курильнице, внутри которой также были обнаружены следы горевшей органики.

Таким образом, у нас нет никаких оснований, во-первых, констатировать факт погребения женщины в каратобинском захоронении, а во-вторых, предполагать её жреческий статус.

По нашему мнению, более уместно предполагать, что в кургане №4 могильника Каратобе был погребён знатный воин. Об этом свидетельствуют представительный набор вооружения: железный меч с халцедоновым навершием, пара железных кинжалов, биметаллический боевой нож, а также нагайка — предмет, который одновременно является и видом оружия, и знаком власти у кочевых народов². Косвенным подтверждением высокого социального статуса погребённого в кургане №4 являются полусферические (золотые?) бляшки, которые считаются инвентарём элитарных погребений Южного Приуралья: они происходят из курганов 1 и 2 могильника Лебедёвка (Багриков, Сенигова 1968: 74, 85, рис. 3: 3, 4), из кургана 9 могильника Покровка 1 (Яблонский, Дэвис-Кимболл, Демиденко 1995: 44). Также крайне важен тот факт, что медный котелок из каратобинского захоронения имеет следы ремонта, свидетельствующие не только о его длительном использовании, но и о бережном отношении к предмету, что могло иметь место только в «семье» аристократа.

Этнокультурная принадлежность погребённого в кургане №4 могильника Каратобе определяется нами как сарматская. Квадратная форма ямы, хотя и редко, но всё же встречается в аристократических погребениях позднесарматской культуры Южного Приуралья, как мы уже указывали. Широкая, а точнее, западная ориентировка погребённого, хотя и не имеет аналогов в настоящее время, по нашему мнению, никак не исключает его принадлежность к сарматской культуре. Лепные сосуды (гор-

² Об использовании нагаек в скифское время см., например: Мозолевский, Полин 2005: 335—340, рис. 136—138; табл. 14: 4.

шок и кувшин) ничем не отличаются от форм, известных в это время в Южном Приуралье. В этом регионе известны аналогии железным кинжалам, мечам, нагайкам и золотым полусферическим бляшкам. Безусловными импортами в каратобинском погребении являются медная курильница и биметаллический нож, которые в очередной раз фиксируют культурные и торгово-экономические свя-

зи населения Южного Приуралья и Средней Азии в позднесарматское время (Багриков, Сенигова 1968: 86, Кожомбердиев 1969: 56—57). Помимо собственно наличия контактов между регионами, исследователи указывают на миграционный характер позднесарматской культуры и формирование ее под влиянием выходцев из Средней Азии (Скрипкин 1984: 114).

Литература

- Багриков Г.И., Сенигова Т.Н. 1968. Открытие гробниц в Западном Казахстане. *Известия АН КазССР* (2), 71—88.
- Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. 2000. *Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей*. Челябинск: Рифей.
- Горбунова И.Г. 1983. Кугайско-карабулакская культура Ферганы. *СА* (3), 23—46.
- Горбунова Н.Г. 1992. К вопросу о связях древних ферганцев с сарматами Южного Приуралья. В: Массон В.М. (отв. ред.). *Северная Евразия от древности до средневековья*. Санкт-Петербург: ИИМК, 191—192.
- Гуцина И.И. 1970. Раскопки могильника Бельбек III в Крыму. *КСИА* 124, 39—47.
- Железчиков Б.Ф. 1994. Общая характеристика исходных признаков погребального обряда савроматского времени. В: Мошкова М.Г. (отв. ред.). *Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии I. Савроматская эпоха (VI—IV вв. до н.э.)*. Москва: Восточная литература, 127—153.
- Железчиков Б.Ф. 1997. Анализ сарматских погребальных памятников IV—III вв. до н.э. В: Мошкова М.Г. (отв. ред.). *Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии II. Раннесарматская культура*. Москва: Восточная литература, 46—130.
- Кожомбердиев И. 1969. К вопросу историко-культурных связей Тянь-Шаня с Поволжьем-Приуральем (I—V вв.). В: Смирнов А.П. (отв. ред.). *Научная сессия по этногенезу башкир*. Уфа: Башкирский филиал АН СССР, 56—57.
- Комиссаров С.А., Хачатурян О.А. 2010. *Мавзолей императора Цинь Шихуанди*. Учебное пособие для студентов отделения востоковедения. Тр. ГФ НГУ. Серия V. Новосибирск.
- Литвинский Б.А. 1972. *Курганы и курумы Западной Ферганы*. Москва: Восточная литература.
- Литвинский Б.А. 1978. *Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы*. Москва: Восточная литература.
- Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. 2008. *Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. По материалам могильника Покровка 10*. Москва: Восточная литература.
- Мозолевский Б.Н., Полин С.В. 2005. *Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. (Бабина, Водяна и Соболева могилы)*. Киев: Стило.
- Мошкова М.Г. 2009. Анализ сарматских погребальных памятников II—IV вв. н.э. В: Мошкова М.Г. (ред.). *Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии IV. Позднесарматская культура*. Москва: Восточная литература, 21—149.
- Мошкова М.Г. 1989. Позднесарматская культура. В: Ларгин Н.Г. (ред.). *Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время*. Археология СССР. Москва: Наука, 191—202.
- Мошкова М.Г. 2009. Женское погребение в кургане 2 Лебедевского могильного комплекса (Раскопки Г.И. Багрикова). В: Мошкова М.Г. (отв. ред.). *Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем*. Санкт-Петербург: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 99—113.
- Мошкова М.Г., Демиденко С.В. 2010. Военное погребение в кургане 37 группы VI Лебедевского могильника. В: Мошкова М.Г. (отв. ред.). *Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий*. Москва: Таус, 254—261.
- Пшеничнюк А.Х., Рязанов М.Ш. 1976. Темясовские курганы позднесарматского времени на юго-востоке Башкирии. В: Кузеев Р.Г., Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х. (отв. ред.). *Древности Южного Урала*. Уфа: Академия наук СССР, 132—149.
- Рау П. 1927. *Курганные погребения римского времени в Нижнем Поволжье*. Покровск.
- Руденко С.И. 1952. *Горноалтайские находки и скифы*. Москва; Ленинград: Академия наук СССР.
- Сальников К.В. 1950. Сарматские погребения в районе Магнитогорска. *КСИИМК XXXIV*, 115—121.
- Сергацков И.В. 2002. Анализ сарматских погребальных памятников I—II вв. н.э. В: Мошкова М.Г. (ред.). *Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии III. Среднесарматская культура*. Москва: Восточная литература, 22—130.
- Симоненко А.В. 2009. *Сарматские всадники Северного Причерноморья*. Санкт-Петербург: Факультет филологии и искусств СПбГУ.
- Скрипкин А.С. 1984. *Нижнее Поволжье в первые века нашей эры*. Саратов: Саратовский университет.
- Скрипкин А.С. 2010. Между Китаем и Римом. В: Коробкова Е.А., Белицкий А.В. (сост.). *Сарматы и Восток*. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 182—189.
- Спаская Е.Ю. 1956. Медные котлы ранних кочевников Казахстана и Киргизии. *Ученые записки АГПИ XI*, 155—169.
- Хазанов А.М. 1971. *Очерки военного дела сарматов*. Москва: Наука.
- Шилов В.П. 1968. Позднесарматское погребение у с. Старица. В: Гайдукевич В.Ф. (отв. ред.). *Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья*. Ленинград: Наука, 310—324.
- Яблонский Л.Т., Дэвис-Кимболл Дж., Демиденко Ю.В. 1995. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1994 году. *Курганы левобережного Илека 3*, 9—47.
- Psarras S. 1998—1999. Shared imagery: Eastern Zhou decors and iconographies. *Early China* 23/24, 1—88.

References

- Bagrikov, G. I., Senigova, T. N. 1968. In *Izvestiia Akademii nauk Kazakhskoi SSR (Reports of the Academy of Sciences of Kazakh SSR)* (2), 71—88 (in Russian).
- Botalov, S. G., Gutsalov, S. Yu. 2000. *Gunno-sarmaty Uralo-Kazakhstanskikh stepei (Hunns and Sarmathians of the Ural – Kazakhstan steppes)*. Chelyabinsk: Rifei (in Russian).
- Gorbunova, I. G. 1983. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 23—46 (in Russian).
- Gorbunova, N. G. 1992. In *Severnaia Evraziia ot drevnosti do srednevekov'ia (Northern Eurasia from Antiquity to Middle Ages)*. Saint Petersburg: IIMK, 191—192 (in Russian).
- Gushchina, I. I. 1970. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR)* 124, 39—47 (in Russian).
- Zhelezchikov, B. F. 1994. In *Statisticheskaya obrabotka pogrebal'nykh pamiatnikov Aziatskoi Sarmatii (Statistical processing of funerary sites of Asian Sarmatia)* I. Savromatskaia epokha (VI—IV vv. do n. e.) (Sauromatian epoch (VI—IV centuries BC)). Moscow: Vostochnaia literatura, 127—153 (in Russian).
- Zhelezchikov, B. F. 1997. In *Statisticheskaya obrabotka pogrebal'nykh pamiatnikov Aziatskoi Sarmatii (Statistical processing of funerary sites of Asian Sarmatia)* II. Rannesarmatskaia kul'tura (Early Sarmatian culture). Moscow: Vostochnaia literatura, 46—130 (in Russian).
- Kozhombertiev, I. 1969. In *Nauchnaia sessiia po etnogenezu bashkir (Scientific session on the Baskir ethnogenesis)*. Ufa: Bashkirskii filial AN SSSR, 56—57 (in Russian).
- Komissarov, S. A., Khachatryan, O. A. 2010. *Mavzolei imperatora Tsin' Shikhuandi (The mausoleum of Emperor Tsin' Shikhuandi)*. Trudy gumanitarnogo fakul'teta Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta (Works of the Humanitarian faculty of the Novosibirsk State university). Series V. Novosibirsk (in Russian).
- Litvinsky, B. A. 1972. *Kurgany i kurums Zapadnoi Fergany (Kurgans and kurums of Western Fergana)*. Moscow: Vostochnaia literatura (in Russian).
- Litvinsky, B. A. 1978. *Orudiia truda i utvar' iz mogil'nikov Zapadnoi Fergany (Tools and implements from the necropolises of Western Fergana)*. Moscow: Vostochnaia literatura (in Russian).
- Malashev, V. Yu., Yablonsky, L. T. 2008. *Stepnoe naselenie Iuzhnogo Priural'ia v pozdnesarmatskoe vremia. Po materialam mogil'nika Pokrovka 10 (Steppe population of Southern Ural region in the late Sarmatian time. Basing on the materials of the Pokrovka 10 necropolis)*. Moscow: Vostochnaia literatura (in Russian).
- Mozolevskiy, B. N., Polin, S. V. 2005. *Kurgany skifskogo Gerrosa IV v. do n. e. (Babina, Vodiana i Soboleva mogily) (Barrows of the Scythian Gerros from the 4th century BC (Babina, Vodiana and Soboleva mogila))*. Kiev: Stilos (in Russian).
- Moshkova, M. G. 2009. In *Statisticheskaya obrabotka pogrebal'nykh pamiatnikov Aziatskoi Sarmatii (Statistical processing of funerary sites of Asian Sarmatia)* IV. Pozdnesarmatskaia kul'tura (Late Sarmatian culture). Moscow: Vostochnaia literatura, 21—149 (in Russian).
- Moshkova, M. G. 1989. In *Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifosarmatskoe vremia (Steppes of the European part of USSR in Scythian-Sarmatian time)*. Arkheologiya SSSR (Archaeology of USSR). Moscow: Nauka, 191—202 (in Russian).
- Moshkova, M. G. 2009. In *Gunny, goty i sarmaty mezhdru Volgoi i Dunaem (Huns, Goths and Sarmatians between Volga and Danube)*. Saint Petersburg: Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU, 99—113 (in Russian).
- Moshkova, M. G., Demidenko, S. V. 2010. In *Arkheologiya i paleoantropologiya evraziiskikh stepei i sopredel'nykh territorii (Archaeology and paleoanthropology of Eurasian steppes and adjacent territories)*. Moscow: Taus, 254—261 (in Russian).
- Pshenichnyuk, A. Kh., Ryazapov, M. Sh. 1976. In *Drevnosti Iuzhnogo Urala (Antiquities of Southern Ural)*. Ufa: Akademiia nauk SSSR, 132—149 (in Russian).
- Rau, P. 1927. *Kurganye pogrebeniia rimskogo vremeni v Nizhnem Povolzh'e (Roman time barrow graves in Lower Volga region)*. Pokrovsk (in Russian).
- Rudenko, S. I. 1952. *Gornoaltaiskie nakhodki i skify (Finds from Altay mountains and the Scythians)*. Moscow; Leningrad: Akademiia nauk SSSR (in Russian).
- Salnikov, K. V. 1950. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Reports of the Institute for the History of Material Culture)* XXXIV, 115—121 (in Russian).
- Sergatskov, I. V. 2002. In *Statisticheskaya obrabotka pogrebal'nykh pamiatnikov Aziatskoi Sarmatii (Statistical processing of funerary sites of Asian Sarmatia)* III. Srednesarmatskaia kul'tura (Middle Sarmatian culture). Moscow: Vostochnaia literatura, 22—130 (in Russian).
- Simonenko, A. V. 2009. *Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomor'ia (Sarmatian riders of the Northern Pontic region)*. Saint Petersburg: Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU (in Russian).
- Skripkin, A. S. 1984. *Nizhnee Povolzh'e v pervye veka nashei ery (Lower Volga region in first centuries AD)*. Saratov: Saratovskii universitet (in Russian).
- Skripkin, A. S. 2010. In *Sarmaty i Vostok (Sarmatians and East)*. Volgograd: Volgogradskii gosudarstvennyi universitet, 182—189 (in Russian).
- Spasskaya, E. Yu. 1956. In *Uchenye zapiski Alma-Atinskogo Gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta imeni Abai (Scientific writings of the „Abai“ Alma-Ata State pedagogical Institute)* XI, 155—169 (in Russian).
- Khazanov, A. M. 1971. *Ocherki voennogo dela sarmatov (Essays on Sarmatian warfare)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Shilov, V. P. 1968. In *Antichnaia istoriia i kul'tura Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia (Ancient history and culture of the Mediterranean and Northern Pontic regions)*. Leningrad: Nauka, 310—324 (in Russian).
- Yablonsky, L. T., Davis-Kimball, J., Demidenko, Yu. V. 1995. In *Kurgany levoberezhnogo Iлека (Barrows of the left-Bank Ilek)* 3, 9—47 (in Russian).
- Psarras, S. 1998—1999. Shared imagery: Eastern Zhou decors and iconographies. *Early China* 23/24, 1—88.

Статья поступила в номер 31 декабря 2013 г.

Meiram Seitkaliyev (Almaty, Kazakhstan). Archaeological Expertise LLC¹.

Meiram Seitkaliyev (Almaty, Kazakhstan). SRL „Expertiza arheologică”.

Сейткалиев Мейрам Казиевич (Алматы, Казахстан). ТОО «Археологическая экспертиза».

E-mail: m.sarmat@mail.ru

Address: ¹ Baisheshkek St., 52, Almaty, 050050, Kazakhstan